

Рос. муз. газета — 1998 — май (№5) — с. 12

речитативное произнесение, подчеркнутое ритмическими акцентами гитары. Так, в духе баллады с элементами звукоизобразительности Попов услышал "Хорошее отношение к лошадям" В. Маяковского. В своих песнях артист ищет жанрового разнообразия. Стилизуя французскую уличную песенку, он играет "Менестреля" Гюстава Надо в ритме гавота, а стихи А. Блока "Девушка пела..." звучат у него как песня-плач с вокализмом в рефрене. Голос девушки (Н. Кузьминой), тихий и жалобный, как далекое воспоминание, оттеняет напряженно-высокий тенор автора.

В "Грустных песнях..." В. Попов впервые для себя решился ввести ин-

ка пела" Блока, "Гимн чуме" Пушкина. Особенно удачной была "Бужина" — поющий цветаевский стих звучал песенной мелодией в колеблющемся параллельно-переменном ладу с выразительным минорным окончанием на словах "одиноким бузинный куст". Но в песне "Марина" портрет юной поэтессы получился скорее обыденным, нежели поэтичным: не было в скромном вальсе ни полетности, ни тайны... К сожалению, первое отделение местами создавало ощущение интонационного однообразия — автору оказалось слишком трудно избежать банальности затертых мелодических оборотов, вялости гармонии. Недостатки "технологии" сказались боль-

рамки в решетки политической тюрьмы. За 15 лет, прошедших со дня его смерти, опубликована лишь небольшая часть его стихотворений и поэм, хотя такой талант достоин настоящего признания.

"Я создан для песни, как птица для воли", — Л. Губанов как будто предвидел песенную судьбу своих стихов. И вот благодаря артисту поэзия его получает новую жизнь. По трем поэмам В. Попов построил музыкальный моноспектакль из трех частей: "Иван Грозный", "Петр Первый" и "Емельян Пугачев". Стихи эти меньше всего напоминают повествование, в них слышится боль и ярость, исповедь и раскаяние в том, что творилось и по сей день творится на Руси. Почти все части написаны от первого лица — от имени царя, народа, самозванца Емели. И в каждой трагедия Руси видится в кровавом свете.

Особенно зримо этот образ проявился в первой части, ее повторенных рефреном строках: "Журавли курлычут красным станом", "Русь в историю плыла на палачах". Песнь об Иване Грозном интересна сценически (сказался опыт театральной работы Попова-режиссера). Монолог произносится из глубины почти темной сцены, как бы из дали времени, лишь на лицо артиста падают горизонтальные полосы красного света. И в последующих частях драмы не перестает литься "кровь Иванов". В балладе о деяниях Петра, как набат, бьет рефрен: "Мы ложились на плаху, чтоб воскреснуть опять". Он звучит почти как заклинание, в чеканном ритме аккордов (Попов нашел для этого нужный прием, используя гитару как ударный инструмент). Образ "шальной России" возвращается бунтарским разгулом в поэме "Емельян Пугачев". Здесь песня-причет сочетается с припевом в духе народной сказки: "Сейчас по шучьему велению я царь и бог, дурак Емеля".

Исполнение "Детства Руси" требует огромной отдачи, живого актерского порыва, подобного импровизации: произведение как бы возникает заново перед слушателями. Соучастие артиста в рождении поэмы имеет бесспорную ценность. Авторство Виктора Попова — в неповторимости каждого исполнения.

Елена БЕЛЯЕВА.

"Я СОЗДАН ДЛЯ ПЕСНИ..."

Своеобразие современной художественной культуры в ее многослойности. Отдельные пласты могут обладать самостоятельной ценностью, имманентным языком и вместе с тем оказывать взаимовлияние, рождая на пересечениях новые жанры. Еще раз убедиться в этом мне помог вечер бардовской песни в московском Театре музыки и поэзии под руководством Елены Камбуровой.

В этом году здесь идет новая программа "Грустные песни Земли". Автор и исполнитель — лауреат Всероссийского и московских фестивалей авторской песни Виктор Попов. Артист имеет свое лицо. Его индивидуальность — в обостренно-эмоциональном постижении настоящей поэзии, которую он интерпретирует музыкально и проживает на сцене. Не искусственный в премудростях композиторской техники и в инструментальном профессионализме, В. Попов заставляет себя слушать — есть в нем способность так концентрировать эмоциональный опыт.

Отбирая поэтические тексты, он даже в самых известных находит какое-то особенное звучание и выражает своей интонацией. Она проста, естественна, но не всегда песенна: некоторые стихи предполагают вокально-

струментальные голоса, помимо гитары соло. Со своим давним партнером, гитаристом Д. Григорьевым, он продумал партии флейты и альты для нескольких песен. Звучание флейты в инструментальном ритурнеле песни "Море" — один из колористических штрихов в создании музыкально-светового образа стихотворения Аминано. Экспрессивный тембр смычкового инструмента усиливает эмоциональное воздействие. Внимание привлекли разнообразные оттенки звучания альты у Н. Кузьминой: намек на барочное деташе в "Поэме без героя", где упоминается адажио Вивальди, флажолеты в начале пушкинской "Элегии" как напоминание о первоисточках жанра — древнегреческом пении элегий под звуки флейты. В "Гимне чуме" жесткое тремоло у подставки и мелодия флажолетами создавали почти физическое ощущение холодающего ужаса.

Музыкальное воплощение классики — нелегкая задача для композитора. В условиях не академического жанра приходится делать "поправку" в оценке произведений. Из наиболее удачных, где проявились и самобытность, и стилистическая органичность, могу назвать "Менестреля" Г. Надо, два стихотворения Маяковского, "Девуш-

ше всего в "Поэме без героя". Развернутое произведение А. Ахматовой достойно более емкой музыкальной формы, чем куплетно-вариантная у В. Попова, хорошее начало с солирующим альтом могло получить более смелое тематическое развитие.

И все же, несмотря на это, искусство барда не могло не вызвать сопереживания. В полумраке сцены так тревожно звучал его сильный голос, так светилось незащищенно детским выражением его лицо, а взгляд устремлялся куда-то в неведомое, бесконечное...

Во втором отделении артист был немного другим. Один на сцене, он исполнял 35-минутную композицию "Детство Руси". Этот драматический монолог разворачивался как вокальная импровизация на стихи, которые мало прочтешь вслух — их внутреннее бытие требует живого голоса, звенящего с болью в резонанс с гитарной струной. Стихи поэта-шестидесятника Леонида Губанова были из тех, что "...нахлынут горлом и убьют", но еще губительнее была бы невысказанность. Поэт рано ушел из жизни, не преодолев рокового 37-летнего рубежа. Современники знали его по спискам самиздата, так как его бескомпромиссность шла наперекор идеологическим установкам, превращавшим цензурные